

енным по принципу топографической контаминации. Призрачность и вымороченность сказывается, таким образом, на всех уровнях.

В романах «Котик Летаев» и «Москва» А. Белый, по мысли Л. К. Долгополова, не смог добиться той глубинной связи быта и бытия, которой достиг в «Петербурге». Они оказались разделенными, вымороченными, искусственными. «Петербург» исчерпал силы Белого.

Рассматривая личность и творчество Белого, автор учитывает различные факторы, сформировавшие этот странный и многими непонятый феномен — и трагически воспринятый ребенком конфликт в родительском доме, и сложные перепадения личных отношений с Л. Блок и А. Тургеневой, и влияние исторических катаклизмов, и годы, проведенные в Дорнахе у Штейнера, и влияние философских учений, и литературно-реминисцентную основу творчества. Без учета всего этого непонятен А. Белый, многими воспринятый как юродивый, растративший отпущенный ему природой гений. Но у несостоявшегося художника не может быть гения, ибо гений предполагает реализо-

ванность. И Белый реализовал себя в неразрывном единстве с эпохой.

Изложенная концепция творчества А. Белого убедительно раскрыта и обоснована в рецензируемой монографии, опирающейся на большой и многообразный фактический материал. Жаль только, что автор не всегда внимателен к мнениям и взглядам других ученых. Так, вывод о кольцеобразной структуре «Петербурга» был в свое время оспорен Д. Е. Максимовым в книге «Русские поэты начала века» (Л., 1986. С. 295), который предложил и обосновал понятие спирали. Им же выдвинута идея катарсиса, в неявном виде содержащаяся в романе, что также в определенной мере противоречит некоторым утверждениям Л. К. Долгополова. Отклик на такого рода суждения позволил бы автору рельефнее выявить оригинальность предложенного им прочтения романа.

В целом же книга Л. К. Долгополова представляет ценный вклад в изучение творчества одного из сложнейших художников русского символизма, искусства XX столетия в целом.

Л. Л. Фиалкова